

ДОЗОР НЕБЕСНЫХ ТЕЛ

Поэма

«Амур и Психея»

Летний сад,
неизвестный итальянский скульптор

БЛИЖНИЙ ДОЗОР

1

Берег Невы.
Причал.
Чайки кричат.
В пределах синевы,
в плену оград,
на гребнях вод —
Летний сад.
Словно огромный плот
вздрагивает на стоянке.

Сколько движения!

Кажется, выплыл бы к морю,
если бы не мосты за Фонтанку,
не притяжение
Марсова поля.

В золоте стража...
Сводят стволы.
Не узнают...
Шуметь перестают.
Жду, что скажут...

Да, впервые — моя вина.
Но теперь ваш я...

В каждой аллее — струна.
Прислушиваюсь, еле ступая...

А вот голубая,
Лебязья...

А там что?
Подошёл...

Ветвление красок и звуков...
Сначала несмело —
немой запел...
Первый взгляд
лишённого зрения...
С неба, в жажду, —
упавшей каплей в руки.
Дальше —
в ливень, в град.

Так движением невинным
начинается лавина с гор;
так на море
синеют дали,
а вскоре —
шторм.

Ветер налетел.
Переполошил ворон, —
поднял пеплом стаю;
поджёт
золото крон.
Листья затрепетали
и — в полёт, кружить —
искрами от вершин...

Плеч касаясь, ложатся у ног...

В груди — полыхание,
гул пожара.
И —
ожог.

Милиционер
вежливо, тихо,
тронув слегка за плечо, —
ко мне:
— Товарищ, пора на выход.

Как?! Зачем? Хочу ещё!

Мир
открыл свои запасники,
распластался, сути не тая,
всеми нитями дорог.
А я —
за партой,
жадно, первоклассником,
выслушал урок.
И вот звонок, —
трясёт кто-то:
— Всё,
придешь завтра!

«Завтра?» —
соображаю...
Жар.
И страх
не дожить до утра.

Итак,
Вселенная,
где затерян мой дом
и площадка дворовая,

не на трёх китах —
на одном.

Она весенняя,
сколько учебники ни листай, —
всегда новая,
полная тайн.

И я, по счастью,
к самой главной причастен
тайне.

Мой мир разбуженный
рвётся наружу.
И он бескрайний.

Огнём вещим
мне взлёт обещан
всех чувств.

Я научусь
в материю облекать
душу:
передавать сияние
через века,
на расстояния.

А пока...

Надо оставить сад...
Но взгляд
цепко,
упрямо
хватается за ветку,
за урну,
за мрамор.

Ищет лазейку,
мечется по газону...

Ухожу,
отбрасывая отраженье — в лужу,
тень — на скамейку,
ответвить пытаюсь душу
в неуклюжую ворону
и завидуя — безмерно —
дежурному
милиционеру.

3

Город не солнечных площадей,
не алых роз,
не тихих садилов. —
Росший в золоте и нужде,
город грёз,
невыплаканных слёз,
дождей
и одиноких всадников...

К лицу — лицом:
по улицам.
Наклоняется низко.
Пристальны взгляды.
Рядом —
со всех сторон —
он,
самый близкий.
Умру — отнять.

Издали —
куполов шапками,

близ —
нависая арками,
даёт знать.

Понять — жизни мало.
Молча
весь вечер.
Только сердца удары...
Словно врача
слушает врач...

Неужели и он не вечен?
Зачем его терзает ветер?
Хоть плачь.
За что дождь его точит?
Палач!
Ах как хочется рубашку снять
и накинуть ему на плечи!

Действовать надо:
жар отдать, — ведь растопит льды...
Но сам
попал в объятия колоннады
Казанского собора...
Нет, не холодны́,
и в них томится звон, —
скоро
первых лучей переборы
тронут
строй колонн.

...Рассвет
с укором
взглянул на город.
...С надеждой
кунает в зарю...

Нет,
краски те же.

Но что цвета?
Цвета не мера,
ведь не от красок теплота, —
город в серое
лишь одет,
но не угрюм,
о нет, он нежен!

К лицу — лицом:
по улицам.
Наклоняется низко.
Пристальны взгляды.
Рядом —
со всех сторон —
он,
самый близкий:
распахнувший души тайник
город-двойник.

4

После озноба ночей —
мчусь. Дорога та же.

Компас тоже однообразен.
Иначе зачем он?
Иначе — ничей...

Устала стража.
Пала наземь.

Время линьки,
и осень —
дождливо, ветрено, —
кисти отбросив, —
в ливни...
И художники с мольбертами
ушли с аллея...

Пейзаж тосклив —
краски потекли:
листья
на земле.
Но как согрет —
в унылом октябре! —
как мастерски решён
без кисти —
одним карандашом.

Вот скрючены
стволы-уроды.
И тут же — гордо, прямо —
тёплые линии мрамора.

И так же тепло озвучен. —
Под сводом
голых ветвей —
эхо
безудержного смеха:
куда взгляд ни кинь —
школьники,
сад чистя,
сгребают опавшие листья...

Липок, рыхловат,
лепит первый снег...
Как лепил и год назад,

и век...

У причала
репродукторы кричат:
чей-то простуженный голос
зовёт на теплоход
кататься по Неве.

Сыро, холодно...

В небе хмуром,
на ветру,
две чайки реют...
И тут, в саду,
парит над Амуром
Психея.

Порывы ветра, снега
гаснут, как в бухте прибой:
Психея —
сама
то буря, то нега —
сгорая дотла,
укрыла бога собой...

Но небесные тела
цвёта осеннего, пасмурного неба:
время не щадит никого —
ни смертных, ни богов,
ни живых, ни в мраморе.

Только слышу:
выше сила есть,
не за морем —
в груди, —

пóлнит,
как радостная весть.

Она растёт и лавиной, и нежно:
то словно снежный ком,
то подснежником.

В небо
среди бела дня
может на крыльях поднять,
звёздами выстлав путь.
Может бледный луч на цвета разъять
и радуги играя гнуть...

5

Скорые,
дни мои — стороной,
по Марсову полю, маршем.
Сколько их было, город мой?
Откуда на мне
ноша твоих лет?
Не брат ли я твой старший?
Разлука нелепа...
Сад,
а ты
уехать дашь мне?

Прощаться пора.
Страшно...

Примчался с фотоаппаратом —
радуюсь.

Лицо отёр...
Бравада, —
разве сумею
в кадре удержать Психею?
Не пламя лампы —
сердца костёр.
Смотри: тело парусом —
и движется души остов.
Нет, не под зыбкой и гордой
улыбкой Джоконды —
лицо открыто и просто.
А счастье всё ближе, —
растёт,
как приближающийся остров...

В глянец поймать аккорды?
Небо — в сачок?
Щёлкнул — и фото на крючок?..

Пустая затея —
способ груб.
Знаю ведь — не поймаю
ни эту мелодию губ,
ни это движение мая.

Снимаю вдогонку...

Передать ли магию
самой чувствительной фотобумаге?
Не засветится ли плёнка?..

Дышит в затылок вечер.
Идти пора.
К чему ложь? —
Мрамор
не втиснуть в раму.

Но аппарат — своё:
щебечет,
заглушая морозящий дождь.

Намок.
Умолк.

А сам — кругами
да аллеями брести.
А сад — в века мне
указывает пути...

6

Смогу ли уйти?
Не верится...

Сад мой,
я обязан тебе пересадкой
пылающего сердца.
Теперь в груди
едиными стали доли
радости и боли.
Мой край,
ты стёр между ними грань,
когда собою осень,
играл на мне и для меня.

Последний раз себя принёс.
Мой сад, мой виртуоз,
сыграй...

Хандра.
Подведена черта.

Но забуду разве,
сколько блаженных изваяний
ты вылепил из меня?

Пора мне.
Вот и твои скульптуры
забывают на зиму
деревянными щитами...

Коротка осени праздничная увертюра.
Уныл финал.

Летний сад
достал
самую грустную партитуру,
перелистал её с холодком,
роздав, вышел —
и вот слышен
перестук молотков...

«Ещё солнце не село,
ещё вечность:
вечер целый, —
это, вновь затевая тяжбу,
сердцу — не побеждавший ни разу
разум. —
Томись, алея,
пылай даже,
но не жить же на аллее,
на скамейке, у канавки Лебязьей?!».

...Да,
отчаиваться нечего —

я же не уезжаю,
просто отправляю домой тело...

Кого я утешаю?!

А время
и разум, смелея, —
разом,
то лестью,
то плетью,
то дурманом числа:

«Знаешь, сколько таких скамеек?..
В твоём кармане —
девятнадцать копеек медью.
И поезд
через два часа».

7

Господи!
Что это? Месть?
Если Ты есть,
скажи,
как жить?
Едва помяня,
Ты забыл меня.
Я кроток, нежен,
но я же не жил!

Укажи порок —
стану полем битв,
но отучать,
отлучать от любви?!

...Бог!
Не обижайся,
не надо вражды.
Прости, если сделаю больно, —
знал бы я, что любовь — это Ты,
я не желал бы веры иной, —
жил бы Тобой.

Но днесь
участь одна по мне:
в отшельниках, — с ней наедине.

Ересь ли,
если
к ней обращён —
весь,
клеткой каждой,
всем безответным чувством? —
Верю —
ведь изнутри озарён! —
подскажет:
как же
свет излучу свой. —
Верой полны, как ветром,
душй ветрила. —
Этой силой

поверю теперь бытиё. —
Верую отныне только ей я...

Келья?
Светом её
озарённая скамейка —
вот и келейка.

ДАЛЬНИЙ ДОЗОР

1

Скрылся Солнца круп...
Но вокруг
всё светлее и светлее.

Фонарей ли искрится свет?
Ночного ли светила влияние?..

Нет...

Та же скамья,
та же аллея.
Душа настезь.
И какое-то загадочное сияние...

Так это же я
начал излучать счастье!

Светится земля
и воздуха кисея,
травка
и парапет.
Блики по Лебяжьей канавке.

Сад сияет —
проникся сердца астральностью.
С кем бы поделиться радостью?

Ах да —
немота...
Не в меру сурово

держишь мне рот.
Хватит!
Лучиной
вспыхнуло тело, —
это вызрело и лучится Слово.
...Только что с ним делать?

Кто-то идёт.

Милиционер —
паренёк,
Адмиралтейству вровень
(новенький):

— Гражданин,
кто вы такой?
Почему здесь?
Не знаете разве? —
сад закрыт.

— Товарищ дорогой, —
протягиваю паспорт, —
а у вас есть
крылья за спиной?

Ищет прописку. Читает робея:
— Ленинград,
Летний сад,
«Амур и Психея»...
Крылья?
Нет, —
берёт под козырёк.
Жест-ответ
участлив.

— Как жаль.
Но не печальтесь.
Жизнь меняет русла.
Посидите со мной денёк.
Я поделюсь с вами счастьем.

— Извините — дежурство...

Что ж,
мне тоже пора.
Высижу разве
праздно,
затворником?!
Силы прибывают, как талые воды.

Стану экскурсоводом! —
сторожем! —
дворником!

Рву отшельничества сети.
Так наставлен верой.

Отпущу милиционеров.
Пусть расходятся по домам —
к мамам,
жёнам и детям.

На рассвете
сад обойду с метлой.
Станет светло...

Пусть аллеи,
неустанно
благословляющие на победы,
мне станут
первыми подмостками:

поведаю мифы и были
про бюст Александра Македонского,
про «Мир и Изобилие»...

2

...— Да,
время не знает усталости.
Время безжалостно —
было и будет всегда
и на всех широтах.
Но не всё ему подвластно.

Перед вами работа
неизвестного мастера.

В основе — древний миф.
Поведан праотцами,
он страстно —
в строка́х и в камне —
веками пересказывается
и радуется
порывом, пластикой
мрамора и рифм.

Он будто создан для аллегорий.
Поэтому
его герои
не раз воспеты
скульпторами и поэтами;

сюжет подчас —
лишь крохотный остров, —
рифов острых
видимая часть.

Смотрите — здесь рядом
горе и радость.
Люди и боги —
рównя.

Я вам напомню:
по древнеримской мифологии
Психея —
грешной земли дочь,
тихая и простая, —
стала
тайной супругой Амура —
бога любви.

Если верить Апулею,
было так:
ночью
они любили друг друга,
но до сумерек утра
рв́ались брака узы:
Амур, неузнан,
уходил во мрак.

Таков — страшной оков —
запрет:
любимого не видеть —
прекраснейшего из богов.

Ну мыслимо ли?

Нет,
Солнце остынет скорее.
Что расплата?! —
Всё решается в высшем суде.

И Психея,
зажигая лампаду,
склоняясь над спящим Амуром,
бросает вызов судьбе.

Видит —
и счастьем полнятся жилы.
Смотрит —
и свет исходит от лица.
И вот поднимаются
разбуженные силы...

Как легко здесь
мастер
на века
раздвигает сюжет,
и уже
звучит его повесть!

Как морю —
впадина суши,
автору
сюжет служит формой,
куда выплеснуть душу...

В греческой мифологии
Психея — душа.
И — смотрите! —
Мы подходим не спеша,
и сейчас
вы сделаете открытие...

Просчёт возможен в хронологии,
и не узнать о мастере —
набожным был или безбожником.
Одно лишь ясно —

откуда сияние это:
века прошли — светила гасли, —
но мир, как прежде, озаряется
душой влюблённого художника.

И вы не верите сюжету,
где лампа роняет
каплю кипящего масла
на бога огня.
Там —
Амур просыпается
и в гневе улетает...

3

Летний сад — мой,
до самого рассвета;
каждая ветка вне —
и во мне:
прочувствована, изведена.
И принят им:
в нём тоже
растворён незримо.

Мой
и тех,
кому не спится,
кто бредёт мимо.
— Сюда, домой!
Моя неделимая
столица столица
впускает всех
(хорош сторож!) —
влюблённых и поэтов,
нелюбимых и нелюбимых.

В кого вдохнёт надежду на счастье,
кому воздаст его сторицей,
кого поддержит советом,
кому отпустит грех...

Стрелки истории
здесь могут вращаться
в обе стороны.
Могут и постоять.

Что́ им — опять
вернуться на века,
приблизив былль?
Или же, вперёд влекущим, —
взять и пронестись, пока
не покажется грядущее,
в котором, кажется, должны бы
мы, живые, обратиться в пыль?

Это за Невой,
где курантов бой,
где механизм — часовой —
не дремлет,
чинно шагает время,
накалывая облака
на Петропавловский шпиль.

В его утробе —
холодные глыбы
мраморных надгробий.
Камень тот же,
но не тревожит, —
огр́анен, да жизни нет.

А мрамор Летнего сада,
открытый ветрам,
излучает свет
и остыть не может. —
Чувством высвечен;
и не высечен —
от сердца отторгнут;
согрет
не солнечным потоком, —
в краю пустынных трасс
и звёзды, видно, тоже —
только искры
от любви
зажжённого костра.

Тают...
Светает...

Лучи — по небу,
разметая мглу.

Просыпается,
озаряется
усыпальница
императоров.

Пора и мне
браться за метлу.

4

...— Вы не устали?
Ещё немного —
и отдохнёте, походите сами...

А эта работа
выполнена в Италии.
Кажется, создана вся
на одном дыхании.
Сюжет взят
из древнеримской мифологии,
но таким пересказан слогом,
что дочитать нельзя.
И вот,
осенённая сводом ветвей,
сад озаряет собой, —
входим лучами аллея,
словно в собор,
где в зной и в ненастье
двери — всегда настежь.
И с вечным
сообщается душа...

Когда-то —
важны ли даты? —
нужна ли справка,
сколько морей с тех пор
могло протечь
Лебяжьей канавкой? —
в Риме
жил
рано познавший славу
бог мрамора.
Звали мастера
Лоренцо Бернини.

С ликом святой —
точно в раме,
в храме, —
в проёмах окон его мастерской
подолгу простаивала

трепетная,
как ночь бывает в мае,
дикая и одинокая
солнечной Италии
немая дочь.

Вырваться б сердцу
из клетки тела —
птицей бы летело,
билось в оконца, в дверцы,
и если б речь ему —
пело бы каждому встречному:
ясным далям
вечной Италии
светит одно солнце —
великий Лоренцо...

Но постояв, уходила —
силой себя от окна отнимала, —
знала:
как слепому — светила,
ей не видать любимого.

Ночью и днём
только этим живя огнём,
так обжигающим тело,
не ведала, что с ним делать,
а выгореть хотела дотла...

Но любишь — и сила дана:
во все проникать пределы, —
переходить в иные —
земные и небесные тела.

А мастер,
совершенства жаждая,

от неудач мрачней,
стыл под руками камень каждый, —
оставив жизнь мирскую,
хмурый, упрямый,
пытался заставить лучиться мрамор...

Шли года.

И вот однажды,
ещё до рассвета
он,
сонный, понурый,
вошёл в мастерскую с папкой эскизов,
свечи зажжёт —

и увидел... Психею,
реющую над Амуром.

Вызов!

Бескрылая — душой парящая —
живей, возвышенней, божественней,
чем спящий
окрылённый бог!

Оторопь и —
где-то в груди —
ожог...

Недолго заживала рана
бога мрамора.

Время шло.
Побелели виски.
Но с ветром,
с рассветами сообщая,

путь в запредельное осветила
не старость-пустыня,
не слава-пески,
а эта
пламенная сила,
что на глазах превращает
смертную,
рабыню,
в богиню.

5

Она растёт и лавиной и нежно:
то словно снежный ком,
то подснежником.
Силу эту, стихиям равную,
легко и радостно в груди несую
по Ленинграду,
по градам и весям,
по космосу.

Эта небесная,
с чуткой бездной
сообщающая сила
душу —
прозреть побудила,
тело —
презреть запрет:
плоть переходит в бесплотное —
в свет. —
Чувствую этот пространства охват.

Нет,
я не оставил сад.
Просто вера —

как ветер в души ветрила —
к звёздам вынесла, дали открыла,
телам неведомые;
просто
пост мой
вырос в размерах.

Так бывает.
Ведь сила эта
прибывает и прибывает.

Рыбе часть бы
такого наплыва счастья —
и той
море стало бы тесно,
и та разразилась бы песней...

Мерно идут века —
идут снегами, —
прессуются в пласты,
веля Земле остыть
и стать холодным камнем.
Но держится на любви
и будет согрета сердцами,
как вёснами.
И светносные
протянутся мосты
между материками,
между звёздами.

А пока
я —
здесь, где им витать:
сколько отпущено времени,
будет действовать
живой, временный.

Не знакомы мне
голоса планет. —

Вслушиваюсь...

Неизвестных тел небесных
сферы огибая,
понимаю: *мне* сужены...

Да, впервые,
но как родные.
Отныне ваш я.

А та, голубая, —
моя.
Я страж её.
Но совсем не страшен.

Впущу всех —
влюблённых и поэтов,
нелюбимых и нелюдимых.

Не проходите мимо!

Увидите сокровенное —
как вдохновенна бывает Вселенная:
сколько жизни — тепла и света, —
в этом,
солнечном, земном её саду.
Хотите? — я проведу.
Услышите детский смех,
трели птичьей, стрекот цикад...
Я покажу восход и закат,
зиму и лето,
реки, моря и горы,

и не один чудный сад,
и не один дивный город.

И везде —
куда бы ни посмотрели —
светло от любящих сердец. —
Горят, откликаясь разно
на обретения и потери.
Кто — счастлив,
кто наивно,
кто тайно или страстно
в счастье верит...

Вот и я,
для смертных
поправ запреты, —
в ветры уйдя, в рассветы и выше,
в необозримый, казалось, простор,
откуда в вышний,
в зазвёздный выйду дозор, —

смотрю на мир,
так сотворённый искусно, —
смотрю из высей,
где обитают чувства, —
смотрю благодарным
и восхищённым взглядом,
подняв над планетой
души лампаду.

1983